

Реконфигурация системы региональной безопасности и транзитно-энергетических потоков в Центральной Азии и Прикаспии (2021–2025 гг.).

Комментарий Центра АРВАК, 05.01.2026

Аннотация

АРВАК рассматривает процесс системной трансформации баланса сил в Центральной Азии и Каспийском регионе в первой четверти XXI века. Анализируются причины ослабления российского влияния, а также механизмы проникновения внерегиональных акторов – США, ЕС, Китая и Турции. Особое внимание уделяется периоду 2022–2025 гг., когда на фоне концентрации ресурсов РФ на украинском направлении произошла форсированная институционализация стратегического партнерства стран региона с альтернативными центрами силы. Рассматриваются ключевые инфраструктурные проекты (включая TRIPP), инвестиционные программы КНР и интеграционные инициативы Организации тюркских государств (ОТГ) как инструменты формирования новой геоэкономической реальности.

Ключевые слова: Центральная Азия, Каспийский регион, geopolитическая конкуренция, энергетическая безопасность, проект TRIPP, КНР, Турция, Организация тюркских государств, стратегическое партнерство, российское влияние.

1. Историческая динамика и кризис инерционной модели доминирования РФ

В условиях новой глобальной расстановки сил регионы Центральной Азии и Каспия приобретают особую значимость. Они богаты природными ресурсами, расположены на перекрестке торгово-энергетических маршрутов по осям «Восток–Запад» и «Север–Юг», а также играют ключевую роль в контексте военно-политического соперничества мировых и региональных держав за доминирование в сердце Евразии.

Распад СССР стимулировал всплеск интереса к региону со стороны западных стран, а также Турции и Китая, geopolитический и экономический рост которого совпал с началом заката российского доминирования в Центральной Азии. Проникновение новых акторов в регион усиливалось по мере ослабления позиций Москвы, которая выстраивала свою политику на основе унаследованной от Советского Союза инерционной экономической и ментально-цивилизационной привязанности региона к России, не сформировав в новых условиях иной, устойчивой платформы для сохранения прежних отношений. В результате интеграционные инициативы в рамках СНГ, ОДКБ, ЕАЭС не охватили все постсоветские республики Прикаспия и Центральной Азии, во многом оставаясь формальными и поверхностными проектами, реализованными в такой степени, которая не препятствовала процессу проникновения в регион ранее «сторонних» геополитических акторов.

2. Институционализация влияния ЕС и США: от энергетического диалога к стратегическому патронажу

К исходу первой четверти XXI века новые геополитические игроки успели стимулировать и аккумулировать в Прикаспийском регионе и Центральной Азии значительный объем политических, экономических и ментально-идеологических ресурсов, необходимых для существенной минимизации влияния России. США, ЕС и

Китай уже реализуют здесь масштабные программы по прокладке торгово-транспортных маршрутов, расширению масштабов добычи углеводородов и их транспортировки, а также освоению сравнительно нового и перспективного сегмента сырьевой индустрии – добычи редкоземельных металлов. Данные акторы активно инвестируют в гидроэнергетику, «зеленую» энергетику, золотодобывающую промышленность и водную инфраструктуру региона. Вместе с тем Запад параллельно интенсифицирует экспорт «демократических ценностей» и расширяет программы по «укреплению суверенитета» постсоветских стран региона в контексте «угрозы российского имперского ревизионизма».

Турция, в свою очередь, значительно активизировала в регионе многоплановую деятельность по этнокультурной унификации тюркских республик под собственной эгидой, стремясь в перспективе сублимировать уже достигнутые в этомекторе успехи в военно-политический альянс «родственных» государств и народов, неофициально называемый «Турецким союзом». Не обладая ресурсами, сопоставимыми с возможностями коллективного Запада и КНР для равноценной экономической экспансии в регионе, Анкара тем не менее умело играет в политico-идеологическом поле, предлагая тюркским республикам сбалансировать возрастающее влияние упомянутых акторов интеграционными форматами (единий алфавит, идентичная научно-образовательная база, многостороннее военное сотрудничество и т. д.).

В совокупности вышеуказанные процессы способствовали подрыву влияния РФ в Центральной Азии и Прикаспии, что в значительной степени было обусловлено и консенсусом среди «новых» акторов, действующих синхронно, несмотря на жесткую конкуренцию между ними. Первый этап экспансии в Центральной Азии в определенной мере предполагал взаимную терпимость США, ЕС, Турции и Китая к интересам друг друга, поскольку ключевым условием закрепления упомянутых сторон в регионе рассматривалось совместное вытеснение Москвы из зоны ее стратегических интересов на южном направлении. В этой связи представляется логичным, что свои главные достижения данные акторы оформили в крепкую политico-правовую базу в период российско-украинского вооруженного противостояния, которое переориентировало стратегическое внимание Москвы преимущественно на западный военно-политический и дипломатический фронт.

04.04.2025 в Самарканде состоялся первый в истории саммит «Европейский союз–Центральная Азия», по итогам которого было принято решение и подписаны документы о повышении уровня отношений до формата «стратегического партнерства», что также было закреплено обещанным ЕС новым инвестиционным пакетом в €12 миллиардов [1]. 18.07.2022, спустя всего 5 месяцев после начала СВО на Украине, президент Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен посетила Баку, где был подписан «Меморандум о взаимопонимании по стратегическому партнерству между АзР и ЕС в энергетической сфере» [2]. Осеню того же года, выступая на церемонии открытия газового интерконнектора Греция–Болгария, на которой присутствовал Ильхам Алиев, фон дер Ляйен назвала Азербайджан «надежным партнером Европы» [3]. Тем самым было подтверждено предположение ряда экспертов об окончательном закреплении Баку в орбите энергетической политики

Брюсселя, реализуемой в ущерб политико-экономическим интересам Москвы. По мнению экспертов, расширение объемов азербайджанских газовых поставок в Европу, начавшееся с 2022 г., было продиктовано не столько экономической целесообразностью, сколько политическими мотивами, суть которых заключалась в углублении раскола в азербайджано-российских отношениях и предоставлении Баку карт-бланша на более решительные шаги против Москвы. Результатом этого стали окончательный захват Азербайджаном Нагорного Карабаха в сентябре 2023 г. при фактически молчаливой реакции ЕС, последующее выдворение РМК (российского миротворческого контингента) из региона, а также регулярные поставки азербайджанского вооружения Украине.

Тем самым ЕС при непосредственном участии Великобритании, пользуясь сконцентрированностью Москвы на украинском треке, фактически начал заключительный этап вывода Прикаспийского региона и стран Центральной Азии из зоны влияния России.

Что касается США, то квинтэссенцией их центральноазиатской политики последних лет стал прием президентом Дональдом Трампом в Вашингтоне сразу пяти лидеров стран региона в формате саммита «С5+1» в начале ноября 2025 г., в ходе которого были достигнуты договоренности о расширении взаимных инвестиций в беспрецедентных масштабах [4]. Следует особо отметить двустороннюю договоренность о вложениях Узбекистана в экономику США (более \$100 млрд) в течение ближайших нескольких лет. В свою очередь США получат доступ к участию в центральноазиатских проектах в сферах энергетики, инноваций, добычи редкоземельных металлов, сельского хозяйства и других стратегически значимых отраслях. По оценкам аналитиков, это сотрудничество может рассматриваться как заявка на доминирующую роль США в регионе с практически полной ликвидацией остаточного экономического влияния РФ в регионе и одновременной нейтрализацией возрастающих китайских амбиций.

За несколько месяцев до этого администрация Д. Трампа фактически инициировала и продвинула трехстороннее соглашение между США, Арменией и Азербайджаном о создании TRIPP – логистического маршрута с «исключительными правами США на его управление сроком на 99 лет» [5]. Значимость этого проекта следует оценивать в комплексной привязке к центральноазиатской политике Вашингтона. США создают «мост», обеспечивающий им прямой доступ в стратегически важные регионы через территорию Турции и одновременно позволяющий посредством контроля над этим маршрутом ограничивать излишнюю активность Анкары на центральноазиатском треке.

Тем самым Вашингтон получил в свое распоряжение новые ключи для проникновения в Центральную Азию после фактически провальной миссии в Афганистане, которая была завершена в августе 2021 г. [6]. Следует также отметить, что в качестве главного партнера среди государств Центральной Азии и Прикаспия США рассматривают Узбекистан – в демографическом и военном плане наиболее значимую республику региона, которая на протяжении последних трех десятилетий проводила более осторожную политику в отношении российских и турецких интеграционных проектов и осталась относительно закрытой для китайской экономической экспансии.

Вашингтон, по-видимому, планирует сделать Узбекистан своей главной опорой в регионе в противовес сильным позициям ЕС, Великобритании и Китая в Казахстане, а также России – в Таджикистане. Об этом, в частности, свидетельствуют инициативы Ташкента в финансово-банковской сфере, направленные на либерализацию передвижения капитала между США и Узбекистаном [7].

3. Китайская экономическая экспансия: формирование всеобъемлющего партнерства

Параллельно активизации ЕС и США на центральноазиатском треке Китай также стремится укрепить и углубить налаженное годами стратегическое взаимодействие с субъектами региона, основанное преимущественно на экономической платформе. Еще в июле 2018 г. Китай и Кыргызстан подписали документ о «стратегическом партнерстве» [8]. В мае 2023 г. стороны подписали «Совместную декларацию КНР и КР об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху» [9]. Впоследствии, по итогам февральского визита 2025 г. президента Садыра Жапарова в КНР, Бишкек и Пекин подписали совместное заявление об «углублении партнерства» между двумя странами [10]. Итогом этих отношений стали многомиллиардные китайские вложения в кыргызскую экономику, которые вывели Пекин на первое место среди инвесторов и закрепили за КНР около трети всего внешнеторгового оборота Бишкека.

Аналогичная динамика углубления отношений и активной китайской инвестиционной политики наблюдается и на казахстанском треке, где Пекин обозначил свои интересы еще в 2005 г., подписав тогда еще с Алма-Атой декларацию об «установлении и развитии стратегического партнерства». Как и в случае с Кыргызстаном, данные отношения прошли долгий путь до этапа «всеобъемлющего стратегического партнерства», предполагающего вовлечение Пекина практически во все отрасли казахстанской экономики и формирование политических рычагов влияния на Астану. В сентябре 2025 г. власти КНР по итогам 8-го заседания Казахско-китайского делового совета заявили о формировании нового китайского инвестиционного портфеля общей суммой в \$15 млрд, который еще более укрепит деловые отношения между странами как на двустороннем уровне, так и в рамках организации ШОС. Тем самым, по итогам 2025 г., Казахстан остается крупнейшим адресатом китайских прямых инвестиций в регионе (32%), за которым следуют Узбекистан (30%) и Туркменистан (27%) [12].

Кривая роста китайского финансово-экономического проникновения в Узбекистан показывает, что период резкой активизации Пекина начался в 2022 г. на фоне российско-украинского вооруженного конфликта и достиг своего пика в 2024–2025 гг. В целом за последние 10 лет китайские инвестиции в экономику Узбекистана выросли в 40 раз [13], а тесное взаимодействие, как и в случае с Астаной и Бишкеком, было оформлено документом от 24.01.2024 г. о повышении уровня отношений до «всеобъемлющего стратегического партнерства» [14].

Об установлении аналогичного уровня отношений между КНР и Туркменистаном было заявлено годом ранее в совместном заявлении председателя Компартии Китая Си

Цзиньпина и президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова [15]. По сути, данный документ стал политико-правовым закреплением уже существующих тесных экономических и политических связей, основу которых составляет масштабный экспорт туркменского газа в Китай.

Договор о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве» Китай подписал и с Таджикистаном в 2017 г. [16]. Хотя доля Душанбе в получении прямых китайских инвестиций является наиболее скромной среди стран региона, Пекин тем не менее остается главным внешнеторговым партнером и инвестором в экономику Таджикистана. Однако наиболее значимой областью взаимодействия между двумя странами считается военно-политическая безопасность. Пекин ведет активную работу по укреплению таджикской армии, таджикистанских границ и поддержанию «светского режима» в Душанбе, увязывая внутреннюю и внешнюю стабильность в этой республике с «уйгурским вопросом» и рассматривая Таджикистан как естественный барьер на пути проникновения в Центральную Азию радикально-исламистских и ультранационалистических (турецких) идеологических движений [17]. Резкое наращивание Китаем своего политического и военного присутствия в Таджикистане вновь пришло на период украинской войны, когда Москва значительно сократила внимание и ресурсы, направляемые на южные рубежи ОДКБ. Вместе с тем первые шаги по укреплению безопасности Таджикистана Пекин начал предпринимать после вывода американской армии из Афганистана, стремясь предотвратить экспорт нестабильности и гражданской войны в эту республику, а затем и на всю Центральную Азию.

Наконец, особого внимания Китая в контексте его центральноазиатской политики удостоился и Азербайджан. В июле 2024 г. Пекин и Баку подписали «Декларацию о стратегическом партнерстве» [18], а уже в апреле 2025 г. заявили о повышении степени отношений до уровня «всеобъемлющего стратегического партнерства» [19]. Инвестиционная политика КНР в АзР не имеет масштабов, сопоставимых с Казахстаном или Кыргызстаном, однако Китай на данный момент является крупнейшим источником импорта для Азербайджана и 4-ым по величине торговым партнером страны. Пекин главным образом интересуют не основополагающие для Баку сферы добычи углеводородов и нефтепереработки, а солнечная энергетика и транзитный потенциал Азербайджана, который является ключевым звеном в проекте «Один пояс, один путь» и, в частности, главным хабом «Срединного маршрута», пролегающего через Каспий [20].

Как следует из вышеизложенного, на данном этапе КНР является главной и наиболее активной внешней силой, стимулирующей экономические процессы в регионах Центральной Азии и Каспия. Китай стремится проводить комплексную и равномерную работу в отношении всего региона, предлагая каждой стране сотрудничество в тех областях, которые представляют наибольший интерес и перспективу для Пекина. В результате сложился широкий спектр взаимодействия и инвестиционных проектов, охватывающих торговую-логистическую сферу (весь регион), нефтедобычу и ядерную энергетику (Казахстан), золотодобычу и разведку редкоземельных элементов (Кыргызстан и Узбекистан), газовый импорт (Туркменистан), «зеленую энергетику» (Азербайджан), безопасность (Таджикистан). В совокупности такая стратегия представляет собой форму «мягкой силы», где

масштабная экономическая экспансия неизбежно перерастает в инструмент прямого политического доминирования.

4. Пантуранизм как идеологический и военно-политический вектор Анкары

Еще одним крупным игроком, обозначившим свои интересы в Центральной Азии и Каспии, является Турция. Регион интересует Анкару как в плане обширной ресурсной и рыночной базы, способной стимулировать экономический рост Турции, так и в контексте ее военно-политических амбиций, основанных на программе глубокой интеграции тюркских стран и народов под лидерством Анкары. Турция несопоставимо уступает США, ЕС и Китаю по финансовому потенциалу, необходимому для экономической экспансии в регионе. Поэтому основной упор она делает на фактор этноязыкового родства и центральноазиатских стран и Азербайджана с турками, активно продвигая инициативы их сателлизации на основе идеологии тюркизма и пантуранизма. Анкара компенсирует свою относительно слабую финансово-экономическую активность в регионе реализацией культурно-образовательных проектов, идеологической работой с широкими слоями населения, пропагандированием роста националистических настроений в местных элитах и осуществлением совместных военных и оборонных программ. Тем самым Анкара искусно использует стремление тюркских государств избежать односторонней зависимости от новых региональных игроков. Выступая в роли альтернативного центра силы, Турция наращивает свое присутствие в Центральной Азии и Азербайджане, предлагая партнерам механизм балансировки интересов и диверсификации внешнеполитических связей.

Активное проникновение Турции в тюркские страны Центральной Азии и Азербайджан началось сразу же после распада СССР. Однако институциональная и систематизированная политическая работа по интеграции республик под эгидой Анкары стартовала с начала 2000-х гг. В октябре 2009 г. на встрече в Нахиджеване было заявлено о создании организации «Тюркский совет», которая в своей программе определила контуры будущей интеграции тюркских стран, претендующей на формирование нового полюса силы в Евразии. В ноябре 2021 г. на саммите «Совета сотрудничества тюркоязычных государств» в Стамбуле «Тюркский совет» был переименован в «Организацию Тюркских Государств» (ОТГ). Этот акт символизировал этап окончательной трансформации этнокультурного интеграционного проекта в geopolитический союз, укрепленный согласованностью подходов и взглядов по практически всем вопросам региональной и мировой повестки, плотным военным сотрудничеством с перспективой создания «Армии Турана» [21], стандартизацией научных и образовательных программ и введением такой базовой основы для органического сращивания тюркского мира, как принятие единого алфавита [22].

Наиболее активная фаза реализации тюркских интеграционных программ в Центральной Азии и Азербайджане также совпала по времени с российско-украинской войной. Причем аналитики, активно поддерживающие многоуровневую тюркскую интеграцию, объясняют это необходимостью превентивных мер, направленных против державного ревизионизма Москвы и растущих китайских амбиций [23].

5. Выводы: эрозия российского влияния и новые вызовы

Становится очевидным, что за последние 4-е года, на протяжении которых РФ была поглощена украинской войной и политико-дипломатическим конфликтом с Западом, прежде «сторонние акторы» превратились в полноправных участников геополитических и геоэкономических процессов в Центральной Азии и Прикаспии. Они стремятся устанавливать правила игры, сводя региональную политику Москвы к действиям по принципу ответного реагирования, лишенным инициативности.

Сфера российского влияния в регионе претерпевает структурное сокращение, фрагментируясь на отдельные сегменты оборонного, энергетического и торгово-экономического сотрудничества. Эти связи, унаследованные еще от постсоветской архитектуры 90-х гг., постепенно утрачивают свою приоритетность для Азербайджана и государств Центральной Азии на фоне формирования стратегических альянсов с новыми центрами силы. Россия пока не может предложить равноценных комплексных программ в сфере экономического развития, технологических инноваций и системы безопасности, которые позволили бы ей даже с учетом проникновения глобальных конкурентов сохранять лидирующие позиции в регионе. Попытки компенсировать свои объективно ослабевшие позиции в регионе генерацией в общественной среде центральноазиатских республик т. н. «ретропатриотических настроений» и ностальгии по дружбе и братству СССР изживают себя окончательно в связи со сменой поколений и политических элит. Эти нарративы не только непонятны новому молодому поколению народов Центральной Азии и Азербайджана, но и, не без внешнего влияния, воспринимаются как намерение России *«вернуться в вектор имперской политики и реставрировать наследие СССР»*. С учетом всех этих факторов вертикальная модель отношений Москвы с региональными столицами Центральной Азии и Азербайджана трансформировалась в горизонтальную. Безусловно, пока рано говорить о потере Россией всех своих важнейших позиций в регионе. Однако прикладное содержание новых интеграционных проектов, таких как ШОС и ОТГ, выгодно отличает их от объединительных проектов типа СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, многие из которых переживают кризис неактуальности и формализма.

В любом случае этап совместной девальвации российского доминирования в Центральной Азии и на Каспии уже пройден. В настоящий момент Россия, США, Китай и Турция уже разворачивают тяжелую и затяжную конкурентную борьбу за обозначение своих долгосрочных позиций в стратегически важном регионе. В этой борьбе, по всей видимости, будут формироваться ситуативные альянсы, однако каждый из центров силы будет руководствоваться собственными интересами и искать максимально выгодную для себя расстановку в формирующемся новом балансе.

Ссылки

- [1] Евросоюз и Центральная Азия: переход к этапу стратегического партнерства. *Коммерсантъ*, 04.04.2025, <https://www.kommersant.ru/doc/7637902> (дата обращения: 25.12.2025).

- [2] Потенциал Азербайджанской Республики в сфере возобновляемых источников энергии: заявления руководства Еврокомиссии. *Azertag.az*, 18.07.2022, <https://azertag.az/ru/xeber/2219489> (дата обращения: 25.12.2025).
- [3] Энергетический диалог ЕС и Азербайджана: концепция «надежного партнерства». *Caliber.az*, 01.10.2022, <https://caliber.az/post/ursula-fon-der-lyajen-azerbajdzhan-nadezhnyj-energeticheskij-partner-evropy> (дата обращения: 26.12.2025).
- [4] Внешнеполитическая стратегия администрации Д. Трампа в Центральной Азии: факторы сдерживания РФ и КНР. *BBC News*, 06.11.2025, <https://www.bbc.com/russian/articles/ce9d4mvexxno> (дата обращения: 26.12.2025).
- [5] Транспортный коридор TRIPP (Trump Route for International Peace and Prosperity) через территорию Армении: логистические параметры. *Кавказский узел*, 18.12.2025, <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/416289> (дата обращения: 26.12.2025).
- [6] Куклина И. Геополитические последствия вывода контингента США из Афганистана. *ИМЭМО РАН*. 24.05.2021, <https://www.imemo.ru/news/events/text/the-withdrawal-of-us-troops-from-afghanistan-and-what-is-the-remainder> (дата обращения: 27.12.2025).
- [7] Либерализация инвестиционного законодательства Узбекистана в отношении американских активов (с 2026 г.). *TACC*, 19.12.2025, <https://tass.ru/ekonomika/25968867> (дата обращения: 27.12.2025).
- [8] Институционализация стратегического партнерства между Кыргызской Республикой и КНР. *Anadolu Ajansi*, 06.06.2018, <https://www.aa.com.tr/ru/1167793> (дата обращения: 27.12.2025).
- [9] Совместная декларация КНР и Кыргызской Республики об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху. *Жэнъминь жибао*, 19.05.2023, <https://russian.people.com.cn/n3/2023/0519/c31521-20020580.html> (дата обращения: 27.12.2025).
- [10] Перспективы углубления двустороннего взаимодействия Китая и Киргизии (февраль 2025 г.). *SNG.FM*, 11.02.2025, <https://sng.fm/bishkek/35874-sovmestnoe-zajavlenie-ob-uglublenii-partnerstva-podpisali-kitaj-i-kirgizija.html> (дата обращения: 27.12.2025).
- [11] Инвестиционная стратегия КНР в Казахстане: анализ масштабных вливаний в инфраструктуру. *Независимая газета*, 02.08.2025, https://www.ng.ru/cis/2025-09-02/9329_kazakhstan.html (дата обращения: 27.12.2025).
- [12] Республика Казахстан как приоритетное направление китайских инвестиций в Центральноазиатском регионе. *Kazakhstan Today*, 25.12.2025, https://www.kt.kz/rus/finansy/kazahstan_ostaetsya_krupneyshim_poluchatelem_kitayskih_1377985675.html (дата обращения: 27.12.2025).
- [13] Динамика роста китайских инвестиций в экономику Узбекистана: ретроспективный анализ десятилетия. *Eurasia Today*, 26.12.2025, <https://eurasiatoday.ru/za-desyat-let-investitsii-kitaya-v-uzbekistan-vyrosli-v-40-raz/> (дата обращения: 27.12.2025).
- [14] Повышение статуса межгосударственных отношений КНР и Узбекистана. *CGTN*, 24.01.2024, <https://russian.cgtn.com/news/2024-01-24/1750113429646102530/index.html> (дата обращения: 27.12.2025).
- [15] Формирование всеобъемлющего стратегического партнерства между КНР и Туркменистаном. *TACC*, 06.01.2023, <https://tass.ru/mezhunarodnaya-panorama/16747895> (дата обращения: 27.12.2025).
- [16] Современное состояние и перспективы двусторонних отношений Таджикистана и Китая. *МИД Республики Таджикистан*, 25.02.2025, <https://mfa.tj/ru/main/view/27/otnosheniya-tadzhiki-stana-s-kitaem> (дата обращения: 27.12.2025).

- [17] Лемон Э., Норов Р. Китайско-таджикское взаимодействие в сфере безопасности: факторы и механизмы влияния. *Carnegie Endowment for International Peace*, 30.08.2025, <https://carnegieendowment.org/posts/2025/03/how-china-is-adapting-to-tajikistans-demand-for-security-cooperation?lang=ru> (дата обращения: 27.12.2025).
- [18] Принятие декларации о стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и КНР. *TACC*, 03.07.2025, <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21267517> (дата обращения: 27.12.2025).
- [19] Установление отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Пекином и Баку (апрель 2025 г.). *Синьхуа*, 23.04.2025, <https://russian.news.cn/20250423/d8708574ee2347098d8b1b4c9abd8145/c.html> (дата обращения: 27.12.2025).
- [20] Анализ торгово-экономических показателей взаимодействия Азербайджана и КНР в 2025 г. *Haqqin.az*, 23.12.2025, <https://haqqin.az/newsarchive/370104> (дата обращения: 27.12.2025).
- [21] Военно-техническое сотрудничество в рамках Организации тюрksких государств (ОТГ): тенденции и риски. *Комсомольская правда*. 12.02.2025, <https://www.kp.ru/daily/27660/5048403/> (дата обращения: 28.12.2025).
- [22] Унификация алфавита как инструмент культурно-идеологической политики Турции в отношении тюрksких государств. *Научно-аналитический фонд «Гегард»*, 12.12.2024, <https://geghard-saf.am/ru/490/alphabet-turkic/> (дата обращения: 28.12.2025).
- [23] Тюрksкий альянс в системе geopolитического баланса сил в Евразии. *Forbes Kazakhstan*, 12.05.2022, https://forbes.kz/articles/dosyim_satpaev - o_tyurkskom_alyanse_i_geopoliticheskem_balanse (дата обращения: 28.12.2025).